

На правах рукописи

Цуй Ливэй

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОБРАЗЫ РОССИИ И КИТАЯ В
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
РУССКОЙ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ЭМИГРАЦИИ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2016

Работа выполнена на кафедре русского языка и методики его преподавания
филологического факультета Федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования
«Российский университет дружбы народов»

Научный руководитель: **Шаклеин Виктор Михайлович**
Академик РАН
доктор филологических наук (10.02.01),
профессор, заведующий кафедрой русского
языка и методики его преподавания

Официальные оппоненты: **Маркова Елена Михайловна**
доктор филологических наук (10.02.01) ,
профессор, профессор кафедры русского языка
как иностранного и культуры речи ГОУ ВПО
Московской области «Московский
государственный областной университет»

Ломакина Ольга Валентиновна
кандидат филологических наук (10.02.01) ,
доцент кафедры современного русского языка
ОЧУ ВО «Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет»

Ведущая организация: **ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет»**

Защита состоится «29» ноября 2016 г. в 16 часов 30 минут на заседании
диссертационного совета Д 212.203.12 в ФГАОУ ВО «Российский университет
дружбы народов» по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.6, зал
№1.

С диссертацией можно ознакомиться в Учебно-информационном центре
(Научной библиотеке) Российского университета дружбы народов по адресу:
117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.6

Объявление о защите и автореферат размещены на сайтах <http://vak.ed.gov.ru> и
<http://dissovet.rudn.ru>

Автореферат разослан « ____ » _____ 2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Н.Ю. Нелюбова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Процессы глобализации во многом определяют образ современного мира, в котором народы-представители разных национальных лингвокультур активно взаимодействуют друг с другом: «... современная культура остается множеством самобытных культур, находящихся в диалоге и взаимодействии, а порой и конфликте друг с другом»¹. Современная лингвокультурная ситуация обуславливает значимость исследований процессов межкультурного взаимодействия и результатов таких процессов. В лингвистике это проявляется в преимущественном интересе к вопросам взаимодействия языка и культуры, а точнее – языков и лингвокультур – в определенных исторических условиях. Исследовательское внимание привлекают исторические периоды, характеризующиеся радикальными переменами в политической, экономической, культурной жизни страны. Этим объясняется актуальность обращения к изучению русской эмигрантской лингвокультуры.

Как известно, после событий 1917 года Россию покинуло большое количество ее граждан. Так сформировалась особая лингвокультурная ситуация, когда русская культура разделилась на два потока – официальную и эмигрантскую лингвокультуру. Последняя также не была однородной: внутри нее выделяют западную и восточную ветви. И если лингвокультуре западной эмиграции посвящено большое количество исследований, то лингвокультура дальневосточной эмиграции представляется недостаточно исследованной, прежде всего, в языковом плане. Между тем лингвокультура русской эмиграции Дальнего Востока, центрами которой были Харбин и Шанхай, уникальна по социальным, политическим, экономическим и культурным условиям.

Результатом диалога культур в дальневосточной эмиграции стали новые представления о «второй родине» эмигрантов – Китае, отличавшиеся от традиционных для русской лингвокультуры. Под влиянием особой обстановки рождается и новое видение покинутой России. Сведения об этих новых представлениях нам дают особые типы образов России и Китая – лингвокультурные образы.

Актуальность обращения к изучению особенностей лингвокультурных образов своей и чужой страны состоит в том, что реализующиеся в таких образах категории «своего» и «чужого» проявляются в общении представителей разных национальных лингвокультур, значимость которых возрастает в связи с интенсифицирующимися процессами глобализации. Особые формы эти категории приобретают в условиях эмиграции. Дальневосточная эмиграция, а также традиции представления в ней категорий «своего» и «чужого» долгое время оставались без научного внимания.

Актуальность данной тематики подтверждается появившимися в последние годы работами, направленными на изучение различных аспектов

¹ Шаклеин В.М. Историческая лингвокультурология текста. – М., 2012. С. 602.

культуры эмиграции Дальнего Востока². Тем не менее, в указанных работах произведения представителей русского Дальнего Востока исследуются в литературоведческом аспекте. Все это обусловило новизну нашей диссертационной работы.

Объектом настоящего исследования выступают языковые средства создания лингвокультурных образов России и Китая в произведениях представителей русской дальневосточной эмиграции.

Предметом исследования является лингвокультурный образ родной и чужой страны, сформировавшийся в условиях эмиграции.

Материал исследования составляют прозаические и поэтические произведения представителей дальневосточной эмиграции, в которых вербализованы лингвокультурные образы России и Китая.

Целью работы является определение и характеристика языковых средств, участвующих в вербализации лингвокультурных образов России и Китая, как репрезентантов универсальной оппозиции «свое – чужое».

Задачи исследования:

1. анализ работ, трактующих основные понятия настоящего исследования и позволяющих выработать методику исследования выбранного материала;
2. определение возможностей топонима быть именем лингвокультурного образа страны;
3. установление влияния универсальной лингвокультурной оппозиции «свое-чужое» на образы стран;
4. рассмотрение специфики лингвокультуры дальневосточной эмиграции как особого этапа развития русской лингвокультуры;
5. описание лексических средств (лексики с национально-культурным компонентом, эмоционально-оценочной лексики, речевых характеристик) в лингвокультурном образе Китая в художественных произведениях дальневосточных эмигрантов;
6. выявление языковых средств, участвующих в создании лингвокультурного образа «своей» России в стихотворениях и прозе дальневосточной эмигрантской лингвокультуры;
7. исследование языковых средств в лингвокультурном образе «чужой» России в прозаических и стихотворных произведениях представителей дальневосточной эмиграции;
8. сопоставление языковых средств в лингвокультурных образах Китая и России в художественных произведениях дальневосточных эмигрантов.

² См., например, Бузуев О.А. Литература русского зарубежья Дальнего Востока, 1917 – 1945 гг.: Проблематика и художественное своеобразие: дис. ... д.филол.н. Специальность 10.01.01. – М., 2001; Дябкин И.А. Неомифологизм как этнорелигиозный феномен культуры дальневосточного зарубежья: дис. ... д. филос.н. Специальность 09.00.14. – Философия религии и религиоведение. – Благовещенск, 2014; Жарикова Е.Е. Ориентальные мотивы в поэзии русского зарубежья Дальнего Востока: генезис, функционирование, типология. Автореф. дис. ... к. филол.н. Специальность 10.01.01. – Владивосток, 2008; Ши Ся. Концепт КИТАЙ в русском обыденном языковом сознании: автореферат ... дис. ... к.филол.н. – М., 2008.

Научная новизна диссертации определяется тем, что в ней впервые описаны лингвокультурные образы России и Китая в прозаических и поэтических произведениях представителей дальневосточной эмиграции. В работе конкретизируется термин «лингвокультурный образ» в отношении к вербализованному единицами художественного текста образу страны. Образы России и Китая рассматриваются как проявление универсальной оппозиции «свое – чужое»; языковые средства, участвующие в их создании, распределяются на те, которые репрезентируют черты «своего» и «чужого» в образе Родины и второй родины. Оценивается способность топонима быть именем лингвокультурного образа страны. Тексты представителей русской дальневосточной эмиграции трактуются как единый метатекст, дающий представление о специфике всей эмигрантской дальневосточной лингвокультуры. Анализ материала производится с применением методики лингвокультурологического анализа художественного текста.

Теоретическая значимость работы состоит в уточнении термина «лингвокультурный образ» в отношении образа страны, созданного языковыми средствами художественного произведения. Диссертация вносит вклад в исследование лингвистических особенностей произведений дальневосточных эмигрантов. В работе выявляются функции различных групп лексики с национально-культурным компонентом в создании образа «своей» и «чужой» страны в лингвокультуре эмиграции. Методика анализа и описания лингвокультурных образов России и Китая может быть использована для изучения лингвокультурных образов других стран.

Практическая значимость диссертации определяется возможностью использования полученных результатов при разработке теоретических курсов по лингвокультурологии, лингвострановедению, анализу художественного текста, межкультурной коммуникации. Комплексная характеристика языковых средств, участвующих в создании образов России и Китая, может найти применение на занятиях по русскому языку как иностранному, в том числе в китайской аудитории для повышения мотивации к изучению языка.

Методом исследования в работе стал метод лингвокультурологического анализа художественного текста. Также использовались статистический метод, методы системного анализа и синтеза, классификации и систематизации, сплошной выборки.

Методология исследования. Теоретико-методологическая база исследования включает в себя работы, посвященные:

- образам других стран, в том числе Китая, в русской лингвокультурной традиции (А.А. Абиодун, Ю.Д. Благодер; О.В. Бузмакова, Н.В. Буткова; Ван Лицзю; Ван Сюй; Е.В. Варламова; А.А. Василенко; А.Д. Воскресенский; О.А. Гришина; О.А. Зиновьева; В.И. Исаченко; А.В. Лукин; А.Д. Макарова);
- специфике русского языка и литературы в условиях русского зарубежья (В.В. Агеносов; Н.В. Антоненко; С.И. Афанасьева; Н.И. Голубева-Монаткина; Л.М. Грановская; А.И. Дороченков; Е.А. Земская; С.В. Полторацкая);

- лингвокультуре дальневосточной эмиграции (П.П. Балакшин; О.А. Бузуев; Л.А. Гаман; М. Гамза; М.Ю. Гапеев; Н.В. Гончарова; И.А. Дябкин; М.М. Елизарова; Е.Е. Жарикова; А.А. Забияко; А.М. Ковальчук; Ли Иннань; Е.А. Оглезнева; О.Н. Романова; Сюй Гохун; Цзяо Чень; Ши Ся; С.И. Якимов);

- особенностям образа России в русской и других национальных лингвокультурах (В.В. Барабаш; С.Р. Габдуллина; О. Малеева; Т.В. Партаненко; С.Н. Третьякова; Цуй Юн; И.А. Юрьева);

- семантике имен собственных и топонимов в частности (И.А. Бижкенова; А.С. Гальцова; О.В. Кисель; Е. Курилович; А.В. Суперанская; А.А. Уфимцева; О.В. Чумаченко; Т.И. Яковенко);

- проблемам лингвострановедения (Е.М. Верещагин; В.Г. Костомаров) и лингвокультурологии (Н.Ф. Алефиренко; В.Г. Воркачев; В.В. Воробьев; В.А. Маслова; В.М. Шаклеин).

Положения, выносимые на защиту:

1. Термин «лингвокультурный образ» является продуктивным в изучении представлений о других странах, реализованных в художественных текстах. Специфика лингвокультурного образа страны состоит в том, что: а) специфика образов постигается, прежде всего, с опорой на лингвистические средства его актуализации; б) образы рассматриваются как явления лингвокультуры, а не ментальные образования; в) на первый план выдвигаются национально специфичные признаки образа; г) исследование проводится на материале художественных текстов, что предопределяет образный характер выбранного объекта; д) исследование носит статический характер и направлено на выявление специфики образов в синхронии, на определенном этапе развития русской лингвокультуры; е) исследуются не только общие признаки, свойственные данным образам в русской лингвокультуре в целом, но индивидуальные свойства, выделяемые авторами-носителями русской лингвокультуры.

2. В культуре дальневосточной эмиграции лингвокультурные образы России и Китая являются ключевыми, поскольку реализуют универсальную лингвокультурную оппозицию «свое – чужое», получающую особое языковое наполнение в условиях эмиграции.

3. Безэквивалентная лексика, имена собственные, эмоционально окрашенные слова, речевые характеристики в лингвокультурном образе Китая в произведениях представителей дальневосточной эмиграции актуализируют следующие семы:

- Китай – страна с особым бытом;
- Китай – древняя страна;
- Китай – «чужая», «другая» страна;
- Китай – страна, вызывающая негативные эмоции;
- Китай агрессивный, жестокий;
- Китай неподвижный, медленный.

4. В произведениях представителей дальневосточной эмиграции лингвокультурный образ Родины «раздваивается», разделяется на два субобраза, получающие противоположную языковую характеристику – образ «своей» и «чужой» России.

5. Имена собственные, эмоционально окрашенные слова и реалии в образе «своей» России вербализуют следующие семы: 'Россия родная'; 'Россия - память'; 'Россия великая'; 'Россия большая'; 'Россия любимая'; 'Россия холодная, снежная'; 'Россия святая'; 'Россия богатая'; 'Родина – мечта, чудо'; 'Россия древняя, историческая' (историзмы, имена собственные).

6. Языковые средства оформления образа России как «чужого» пространства вербализуют в образе «чужой», Советской России следующие семы: 'Советская Россия – воплощение зла'; 'Советская Россия - далекая'; 'Советская Россия – страх, печаль'; 'Советская Россия - мертвая'; 'Советская Россия страдающая'; 'Советская Россия несвободная'; 'Советская Россия - беспокойная'.

Апробация работы. Основные положения диссертации были обсуждены на семинарах и конференциях разного уровня: XV Всероссийская научно-практическая конференция молодых ученых с международным участием «Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания: традиции и инновации» (Москва, 2014), Научный молодежный семинар «Русский язык в молодежных СМИ России и СНГ» на кафедре русского языка и методики его преподавания РУДН (Москва, 2014), Первый международный виртуальный форум в Японии по русистике, культуре, педагогике «Киото форум 2014» (Япония, 2014), XII студенческая научно-практическая конференция «Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания» (Москва, 2015), Международная конференция молодых ученых 2015 «Актуальные проблемы современных гуманитарных наук» (Москва, 2015), Научная конференция «Многомерные меры языка» (Москва, 2015), Международная заочная научно-практическая конференция «Язык и межкультурная коммуникация: современные образовательные тенденции XXI века» (Белгород, 2016), Международная научно-практическая конференция «Развитие науки и образования в современном мире» (Люберцы, 2016), XVI Всероссийская научно-практическая конференция молодых ученых с международным участием «Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания : традиции и инновации» (Москва, 2016).

Структура исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы (201 наименование, включая источники художественной литературы).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Во **Введении** обосновывается актуальность выбора темы, определены предмет и объект, научная новизна исследования, сформулированы цель, основные задачи, описаны методы работы, ее теоретическая и практическая значимость, говорится об апробации работы и ее структуре.

В первой главе «Теоретические основы исследования лингвокультурного образа страны» решается вопрос о статусе лингвокультурного образа страны в национальной лингвокультурной традиции. В гуманитарных работах, рассматривающих отражение других стран в национальном сознании, используется несколько терминов: концепт; образ; стереотип; имидж³. Безусловно, эти термины обладают как сходными, так и отличительными чертами, однако для целей нашего исследования представляется наиболее продуктивным термин «лингвокультурный образ», т.е. «разновидность культурного концепта, [который] обладает национально-культурной спецификой, но в то же время содержит отличительные черты и признаки узнаваемого представителя конкретного этнокультурного сообщества»⁴. В лингвистической литературе данный термин используется в разных значениях, преимущественно по отношению к так называемым лингвокультурным типажам⁵. По отношению к образу страны данный термин применяется в статье А.Д. Макаровой⁶. Специфика изучения лингвокультурного образа заключается в том, что он описывается в единстве сознания, языка и культуры и на основе дискурса.

Исследуемые в работе образы Китая и России являются лингвокультурными образами, поскольку: 1) их специфика постигается, прежде всего, с опорой на языковые средства актуализации; 2) они рассматриваются как явления лингвокультуры, а не ментальные образования; 3) на первый план выдвигаются их национально специфичные признаки; 4) исследование проводится на материале художественных текстов; 5) исследование носит статический характер и направлено на выявление специфики образов в синхронии, на определенном этапе развития русской лингвокультуры;

³ См., например: Гришина О.А. Актуализация концепта «Америка» в современном русском языке. дис. ... к. филос. н. - Кемерово, 2004; Куданкина О.А. Актуализация концепта Германия в российской публицистике: автореф. дис. ... к. филол. н.: 10.02.01. - Архангельск, 2005; Благодер Ю.Д. Образ Китая в письменных свидетельствах российских путешественников и дипломатов XVII – начала XX вв. Авторефер. ... дис. к. ист.н. – Краснодар, 2005; Бузмакова О.В. Образ Китая и китайцев в современном русском православном сознании: дис. ... к. филос. н.: Специальность 09.00.13. - Благовещенск, 2008; Аристова И.Л., Пивоварова С.А. Стереотипы китайцев в российских СМИ, 2006 // http://www.rusnauka.com/PNR_2006/Psihologia/12_+aristova.doc.htm; Шаова О.А. Россия и Франция: национальные стереотипы и их метафорическая репрезентация (на материале французских и российских газет). Автореф. дис. ... к. филол. н. – Екатеринбург, 2005.

⁴ Савченко Е.П. Стилистические средства создания лингвокультурного образа идеального героя в тексте оригинала и в переводе (на материале произведений Я. Флеминга). Автореф. ... к. филол. н. – Москва, 2013. – С. 6.

⁵ Гвоздева А.В. Лингвокультурный образ детектив. Автореф. дис. ... к. филол. н. – Челябинск, 2009; Савченко Е.П. Стилистические средства создания лингвокультурного образа идеального героя в тексте оригинала и в переводе (на материале произведений Я. Флеминга). Автореф. ... к. филол. н. – Москва, 2013.

⁶ Макарова А.Д. Лингвокультурный образ: сущность понятия // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 243-245.

б) исследуются не только общие признаки, свойственные данным образам в русской лингвокультуре в целом, но и индивидуальные свойства, выделяемые авторами-носителями русской лингвокультуры.

Именами этих двух лингвокультурных образов служат имена собственные – топонимы *Россия* и *Китай*. Способность топонима быть именем лингвокультурного образа обусловлена тем, что топоним «представляет собой специфический конгломерат лингвистического и экстралингвистического планов, что существенно усложняет структуру значения: сведения о слове переплетаются со сведениями об объекте»⁷. В структуре топонимов присутствуют дотопонимическое, топонимическое и оттопонимическое значение, которое включает дополнительные сведения о географическом объекте (референте топонима), в том числе информация культурного плана и ассоциативная информация.

Образы стран в национальной лингвокультуре выступают отражением универсальной оппозиции «свой – чужой» и связаны со стремлением представителей национальной лингвокультуры описывать свое и чужое пространство: «В каждой национальной картине мира существует свой специфический способ восприятия, воссоздания и фиксации образов чужих / других, которые характеризуют либо их отдельные стороны, свойства, либо в целом их идентичность на фоне собственных представлений о норме и ценностях»⁸.

Для характеристики лингвокультурного образа как «своего» или «чужого» наибольшую значимость имеют следующие группы языковых единиц:

1) реалии, безэквивалентные слова – «слова, план содержания которых невозможно сопоставить с какими-либо иноязычными лексическими понятиями»⁹;

2) коннотативные лексические единицы – слова, имеющие одинаковое или близкое значение в разных культурах, однако обладающие различными культурно-историческими ассоциациями;

3) фоновая лексика – слова, обозначающие объекты и явления одной культуры, которые имеют аналоги в другой культуре, но отличаются некоторыми признаками (формой, бытовым применением и др.).

Значимыми также являются имена собственные: «Имена собственные обладают яркой национально-культурной семантикой, поскольку их групповое и индивидуальное значение прямо производно от истории и культуры народа-носителя языка»¹⁰.

⁷ Гальцова А.С. Лингвокультурологический потенциал петербургской топонимии: автореф. дис. ... к. филол. н.: 10.02.01. - Санкт-Петербург, 2011. С. 3.

⁸ Коптякова Е.Е. Образ Германии в российской и американской медиа-картинах мира: стереотипы и метафоры: дис. ... к. филол. н. - Сургут, 2009. С. 9.

⁹ Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Русский язык, 1990. С. 42.

¹⁰ Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Русский язык, 1990. С. 59.

Эмоционально-оценочную лексику в структуре лингвокультурного образа можно разделить на две большие группы – лексику, выражающую положительную оценку, и лексику, выражающую отрицательную оценку. Данное разграничение связано с универсалиями «свой – чужой»: черты «своего», как правило, воспринимаются позитивно, а черты «чужого» получают негативную оценку.

По-особому проходят процессы формирования образов «своего» и «чужого» в эмигрантской лингвокультуре: в результате аккультурации может произойти как принятие новой лингвокультуры, так и обособление от нее. Эти процессы оказали влияние на лингвокультурные образы Китая и России, отразившиеся в художественных текстах представителей дальневосточной эмиграции. Следует учитывать особые условия, сделавшие лингвокультуру дальневосточной эмиграции уникальным, своеобразным явлением: «В «русском Китае», центром которого стал русский Харбин, возникла ситуация безвременья, когда русские беженцы вдруг оказались в ситуации возвращения в прошлое – в старорежимную Россию, в старую систему этических, религиозных и этнокультурных координат. Одновременно они погрузились в систему религиозных представлений, определяющих издревле жизнь китайцев и маньчжуров»¹¹. Это, в частности, предопределило двойственность образа Китая, в котором вербализованы черты как «чужого», так и «своего» пространства.

Вторая глава «Образ Китая в лингвокультуре дальневосточной эмиграции» посвящена анализу образа Китая в лингвокультуре дальневосточной эмиграции. Безэквивалентная лексика в образе Китая связана с вербализацией универсалии «чужой». По тематическому принципу выделяются:

I. этнографические реалии:

А) слова, обозначающие средства передвижения: «*Задремавший сампан на волне*» (К. Батулин «Луна»); «*Смотри, как красиво // У острова джонки*» (А. Ачаир «В фруктовой лавчонке»); «*На пыльном тротуаре, где рикши зло гогочут...*» (М. Спургот «Сердце Лу-Шу»).

Б) игры: «*За прилавком купцы полуголые // Бесконечно играют в маджан*» (О. Скопиченко «Шанхайское захолустье»); «*Мы проиграли в маджан весь вечер*» (В. Кондратович «Мимоходом»);

В) названия жилых построек, их частей, обстановки: «*И кана под окном тепло*» (Б. Бета «Маньчжурские ямбы»); «*В этой фанзе так душно и жарко*» (Л. Ещин «Про Москву»);

Г) наименования видов напитков, блюд: «*От нескольких чашечек горячего ханшина Шаза слегка опьянел*» (Б. Юльский «Вторая смерть Шазы»); «*А кедр остался одиноким стражем, около которого в дни праздников клали*

¹¹ Дябкин И.А. Неомифологизм как этнорелигиозный феномен культуры дальневосточного зарубежья: дис. ... д. филос.н. Специальность 09.00.14. – Философия религии и религиоведение. – Благовещенск, 2014. С. 6-7.

белые *«манту»*» (Б. Юльский «Господин леса»); *«Та-хулу куня спешит купить»* (Е. Влади «Тянь-бин»);

Д) названия особых видов флоры и фауны: *«В гуще гаоляна»* (В. Март «Три души»); *«Так бросаются с обрыва в синеву летящим камнем, // Замирая, саланганы, и вонзаются в простор»* (Л. Андерсен «Только в заводи молчанья может счастье бросить якорь...»);

Е) указания на род занятий и социальное положение человека: *«Хунхузы проникли в деревню бесшумно и быстро, как волки»* (Б. Юльский «Вторая смерть Шазы»); *«Ты не думай, что я бедный манза!»* (Н.А. Байков «Любовь хунхуза»); *«... медлительные бонзы»* (Т. Андреева «Ми-Син»);

Ж) наименования денежных единиц, мер веса, длины: *«В те времена ходили блаженной памяти даяны...»* (А. Несмелов «Сторублевка»); *«В колеснице моей лечу // Над землей на четыре «чи»»* (В. Перелешин «Пекин»); *«Пробежавши десятки ли»* (Б. Волков «Дракон, пожирающий солнце»); *«Этот ломоть янтарной дыни // Будет стоить тебе лишь чох»* (Б. Волков «Дракон, пожирающий солнце»);

З) названия музыкальных инструментов: *«Вдали слышишь неискусную // И безутешную хуцинь»* (В. Перелешин «Хуцинь»); *«Рыдает гонг»* (Н. Светлов «Сторукая»);

И) религиозные и философские понятия: *«А в мгlistый час Быка»* (М. Щербаков «Женьшень»); *«Нирвана. Беспечность.// Нефрит и агат»* (А. Ачаир «В фруктовой лавчонке»); *«Соприкоснулась я с великой тайной «дао»* (Е. Влади «Гонги Путу-дао»).

II. общественно-политические реалии

А) государственные символы, например: *«И рвется в воздухе пятиполосный флаг»* (А. Паркау «Харбинская весна») (Замена трехполосного флага на пятицветный китайский была знаком перехода КВЖД из рук России в руки Китая);

Б) названия политических партий Китая: *«... Корявый работал в полном контакте с существовавшей в то время гоминдановской полицией»* (А. Несмелов «Сторублевка»);

В) названия исторических эпох: *«О ветре Родины стихи на веере // поэта древнего эпохи Тан»* (В. Кондратович-Сидорова «Китайский веер»);

Г) названия исторических событий: *«... Байков, ... как и предки мои, заехали в Маньчжурию почти через год после Боксерского восстания»* (Л. Кравченко «Харбин изначальный»); *«Эти отдельные ручейки в конце концов слились в одну мощную реку Тайпинского восстания...»* (В. Иванов «Мир ничего не знает о Китае»);

Д) названия должностей, особенностей управления: *«... особенно <...> так называемые «дудзюны», которые участвовали в революции 1911 г.»* (В. Иванов «Мир ничего не знает о Китае»).

С точки зрения актуальности можно выделить актуальные реалии и реалии-историзмы: *«Наверное, какой-нибудь знатный мандарин императорских времен выбрал это место для себя и своего поколения»*

(А.П. Хейдок «Маньчжурская принцесса»); «*Принимал ларец, богдыхана дар*» (М. Коростовец «Китайская шкатулка»).

Культурную информацию исторического характера несут лингвокультурные детали «стянутые ноги», «треугольные ножки». Обычай перетягивать ноги маленьким девочкам высшего сословия существовал в Китае почти тысячу лет: «*Девочка скользнула, торопливо // Стянутыми ножками ступая...*» (М. Коростовец «Феникс»); «*О, я видела знатных дам! // Забинтованы ножки туго*» (Б. Волков «Дракон, пожирающий солнце»).

Среди топонимов в образе Китая выделяют микротопонимы, которые сопровождаются родовыми именами типа «село», «речка», «город» и т.п.: «*В селе Зо-Сэ, у вод канала*» (Л. Гроссе «Два храма»); «*Мы подплываем к Хусиньтину, // Где сердце озера Сиху*» (В. Перелешин «Хусиньтин»). Названия более крупных географических объектов используются без родовых наименований: «... *паренья, // Которые струит весной Хуанхэ*» (В. Иванов «Казнь»); «*Сунгари, сердитая красавица...*» (А. Паркау «На шаланде»).

Шанхай, Харбин, Пекин воспринимаются, в основном, в составе образа «чужого». В них выделяется сема «странный, вызывающий удивление»: «*Странный город блеска, денег и наживы, <...> Город странных мыслей и дурманных снов...*» (В. Иевлева «Город Харбин»); «*Самый странный город на свете, // Город ярких крыш*» (М. Коростовец «Пекин»). С этим связаны метафоры болезни, призрачности, игры: «*Город, где сквозь маску пестрого наряда // Смотрит полудикий сумрачный Восток, // ... Весь в больном стремленьи, весь в больной тревоге, // Ты сжигаешь силы в призрачной борьбе...*» (В. Иевлева «Город Харбин»).

С городами Китая связаны мотивы враждебности, жестокости: «*Тянет в болото безжалостный город-садивст*» (стихотворение Н. Крук «Белые, чистые хлопья на этой панели...»); «*В смятенном городе злоеущий маскарад ... Дуэт безумных дум с безумною весной*» (А. Паркау «Харбинская весна»).

В образах городов Китая подчеркивается их древность, связанная с древностью мудрость: «*Императорский мост хранит // Легенды тысячелетий*» (К. Батулин «В пути»); «*Зажги, Пекин, вечерние огни // Морщинистой рукой, // От шепота столетий отдохни*» (Е. Яшнов «Зажги, Пекин, вечерние огни...»); «*Но наивному людскому чванству // Улыбалась мудрая страна*» (Л. Андерсен «В пути»).

В универсалию «чужой» входят топонимы-«двойники» – китайские названия русских городов, рек: «*Поет тягуче за веслом китаец // Про Хайшин-вей*» (В. Март «На Амурском заливе») (китайское название Владивостока); «*Китайцы же называют его [Хинган] Хэйлушань – «гора черного дракона», как и Амур, соответственно – Хэйлуцзян*» (Л. Кравченко «Харбин изначальный»). Это является яркой особенностью дальневосточного региолекта русского языка: «... в дальневосточном региолекте русского национального языка присутствуют заимствованные из китайского языка и из

языков коренных народов топонимы, частично имеющие «двойник» славянского происхождения»¹².

Урбанонимы называют достопримечательности других китайских городов: «*Или это сторож ночью // Обошел Бэйхай?*» (М. Коростовец «Пекин»); «*У Фудзядана*» (название стихотворения В. Марта).

Среди мифонимов распространено имя Будды, а также названия статуй Будды: «*А Будда – свидетель победы и горя // Все так же спокойно молчит*» (О. Скопиченко «Пекин»); «*До полудня монах забытый // Пред бронзой Гаотамы пел*» (Л. Гроссе «Два храма»); «*Где, в свете свеч, пред золотым Майтрейей*» (Н. Светлов «Сторукая»).

Антропонимы представлены именами творческих личностей: «*Ей пишет стихи Ли-Тай-бо знаменитый*» (М. Коростовец «Ли Тай-бо»); «*Сюда пришел еще безвестным // Чжи Хуа, художник и монах*» (В. Перелешин «Хусиньтин»); «*Из мудрых песен Лао-цзы*» (М. Спургот «Сижу с китайцами в харчевне...»); «*тысячи красных дощечек хранят великое имя Кун-Фу-цзы*» (В. Иванов «Пекин»).

Второй группой антропонимов являются имена правителей Китая, их наложниц, названия династий: «*В парке – видела воочью – // Бродит Кубилай*» (М. Коростовец «Пекин»); «*И она в историю вступила // С августейшим именем Цы Си*» (М. Коростовец «Феникс»); «*... девушка в древнем одеянии принцесс Цинской династии*» (А.П. Хейдок «Маньчжурская принцесса»).

Некоторые топонимы посредством определений включаются одновременно в универсалию «свой»: «*Здесь построим русский город, // Назовем – Харбин*» (А. Несмелов «Стихи о Харбине»); «*Ты, Харбин, родной земли осколок, // Защитил, укрыл от вихрей злых*» (Е. Даль «Второй родине»).

Включение китайских имен собственных в универсалию «свой» осуществляется посредством перевода имен собственных на русский язык, что дает возможность понять образность китайских онимов: «*Так высоко стою, так величаво // Вознесся храм Лазурных Облаков*» (В. Перелешин «Вид на Пекин из Би-Юнь-Сы»); «*Мне мой дед, бакалавр ученый, // Дал бы имя Свирель Луны, // Или строже: Утес Дракона, // Или тише: Луч Тишины*» (В. Перелешин «Заблудившийся аргонавт»); «*Красные Листья под Инеем – странное имя*» (В. Перелешин «Красные Листья под Инеем»); «*Шуй-сен-хуа – цветок нарцисса*» (Л. Андерсен «Нарцисс»).

К коннотативной лексике относятся наименования цветов. В создании образа Китая преимущественное значение имеет желтый цвет, это цвет, традиционно ассоциирующийся со страной и людьми: «*Желтый ветер крутит тонкий // Лёссовый туман*» (М. Коростовец «Пекин»); «*У мачехи ласковой – в желтой я вырос стране, // И желтые кроткие люди мне братьями стали*» (В. Перелешин «Ностальгия»); «*Нас никто не увидит и не услышит // близ моей желтокожей родной реки*» (Н. Крук «Я хочу, чтобы память осталась в ладонях...»).

¹²Оглезнева Е.А. Дальневосточный региолект русского языка: особенности формирования// Русский язык в научном освещении. - М., 2008. - № 2 (16). - С. 119-136. С.121.

Характерным является упоминание серого цвета, символизирующего тоску, печаль, страх: «Ряд лавчонок и грязных домов // Пожелтевших и **серых** сутулятся...» (О. Скопиченко «Шанхайское захолустье»); «А весною ветра доносили туда // **Желто-серую пыль** и дыхание Гоби» (Н. Вохтин «Харбин»).

Белый цвет, который, как известно, в Китае является цветом траура: «В его косе вплетен **белый** – // **Знак траура** по близком человеке» (В. Март «У Фудзядана»); «В **белых траурных** одеждах ряд людей» (И. Орлова «Лайфу»).

К коннотативной лексике относится слово «лотос»: «И **задумчивые ивы** // В зеркале озер // Наблюдают сиротливо // **Лотосов ковер**» (М. Коростовец «Пекин»); «Упал в **страну шелков, и чая, // И лотосов, и вееров**» (В. Перелешин «Три родины»); «... спали на хрусталях воды широкие **лотосы**» (В. Иванов «Пекин»). Священный лотос в буддизме – «символ божественного начала в человеке, синоним совершенства»¹³.

В данной категории важным является слово *дракон* - терратоморф, символ Китая: «В той стране, что хранима **драконами**» (Л. Ещин «Беженец»); «В стране иероглифов, **драконов** и тревог» (А. Паркау «Пятнадцать лет»).

К фоновой лексике можно отнести слово «коса», которое в отличие от русской лингвокультуры в лингвокультуре китайской указывает на мужскую прическу: «В его **косе** вплетен **белый** – // **Знак траура** по близком человеке» (В. Март «У Фудзядана»); «С **косичкой** тонкой на макушке // Поет бродяга-китайчонок» (В. Март «У моря»).

Эмоционально-оценочные слова в лингвокультурном образе Китая делятся на две группы: с положительной и отрицательной оценочностью.

К первой группе относятся слова, связанные с положительными эмоциями – радости, эстетического удовольствия: «И **странной радостью** напоен // Мой каждый в быт Китая взгляд!» (М. Спургот «Сижу с китайцами в харчевне...»); «И что-то **радостно-немудрое** // поет китаец вдалеке» (Г. Гранин «Утром у реки»).

Прилагательные, сопровождающие этноним *китайцы*, позволяют сделать выводы о восприятии китайского национального характера: «**Страха** в нем [китайце] незаметно, только утрированная среднеазиатская **любезность**» (Б. Юльский «Путь дракона»); «**Старик** очень гостеприимен и утонченно **вежлив по-китайски**» (Н.А. Байков «У горы Маоэршань»). С этой же чертой связаны соматизмы: «**Старик** снова кланяется несколько раз... **Китаец** опять **кланяется**» (Б. Юльский «Путь дракона»); «**Сначала** они много и **церемонно кланялись**» (Б. Юльский «Вторая смерть Шазы»).

Среди слов с негативной оценочностью наиболее распространенными являются слова с семантикой чуждости: «**Чужие** слова и речи, // **Пыль чужих** дорог» (Б. Волков «Дракон, пожирающий солнце»); «**На все** бросает **Чужое** // **Свой равнодушный** взгляд» (Б. Волков «Дракон, пожирающий солнце»).

¹³ Жарикова Е.Е. Ориентальные мотивы в поэзии русского зарубежья Дальнего Востока: генезис, функционирование, типология. Автореф. дис. ... к. филол.н. Специальность 10.01.01. – Владивосток, 2008. С. 13.

Осознание чуждости китайских реалий вызывает негативные эмоции – страх, тоску: «*И мы – в тоске, за дальним рубежом...*» (Т. Андреева «Родине»); «*Отчего нам так страшно...*» (М. Волин «В переулочок пустынный, где серо и душно от пыли»); «*Страшно, что вакуум жизни уютен и чист...*» (Н. Крук «Белые, чистые хлопья на этой панели...»).

В образе Китая также присутствуют слова, указывающие на враждебность всего окружающего – людей, природы, даже религии: «*Суровые лица // Со мной и бездушные боги*» (А. Ачаир «Как и прежде»); «*На пыльном тротуаре, где рикши зло гогочут...*» (М. Спургот «Сердце Лу-Шу»).

Частотны слова со значением «древний», «вечный»: «*буддийская вечность*» (А. Ачаир «В фруктовой лавчонке»); «*Но слушая гонга удары // С тысячелетних стен...*» (Б. Волков «Дракон, пожирающий солнце»); «*Бредут китайцы, желто-сини, // Им вечным все всегда равно*» (Вс.Н. Иванов. «Беженская поэма»).

Эмигранты воспринимают Китай как неподвижный, застывший: «*И звенит китайская недвижность // Над разлетом черепичных крыш*» (К. Батулин «Гу-панГун-Шу»); «*Все в мире суета и тлен, Недвижим лишь Китай*» (Е. Яшнов «Зажги, Пекин, вечерние огни...»).

В восприятии речи китайцев на русском языке русские эмигранты выделяют обилие ошибок различного рода: «*Вы окликнули меня: «Лалисса!» - // Сделав имя кукольным и ломким*» (Л. Андерсен «Нарцисс»); «*Сунгари японца сердисса. Русски лама река не ходи, такой штука не маши*» (она изобразила, как кадит диакон), «его шибыко сердиса! Теперь шибко пухо будет» (Г. Морозова «Наводнение»).

Особенности дальневосточной лингвокультуры отражены в словах русско-китайского пиджина: «В этот гомон и шум совершенно естественно вписываются словечки харбинского диалекта, или, точнее, «pidgin Russian» – ломаного русского языка, которым пользовались для общения между русскими и китайцами не только в Харбине, но и в 20-30-х гг. в Приморье»¹⁴: «*Под корзинами гнется ходя*» (Е. Недельская «Из окна поезда»); «*То стайкой кули с говором болтливым*» (А. Несмелов «Старое кладбище»); «*- Ламуоза? – внезапно спросил он*» (Б. Юльский «След лисицы»).

Третья глава «Особенности лингвокультурного образа России в произведениях представителей дальневосточной эмиграции» посвящена описанию особенностей лингвокультурного образа России в произведениях представителей дальневосточной эмиграции. Языковые средства создания образа России четко разделяются на две группы – первая связана с былой Россией, вторая – с новой, советской. Лингвокультурный образ Родины в художественных текстах указанного периода раздваивается, разделяется на «свое» и «чужое» пространство.

Отношение к России как к родной стране отражено посредством лексем с общей семантикой ‘родной’: «*Душа покорно отразила // Родную Русь!..*»

¹⁴ Ли Иннань. Образ Китая в русской поэзии Харбина. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.laoshi2.ru/?page_id=692

(Ф. Камышнюк «Святая Русь»); «*Но столицей России // Будешь ты, Москва родная!*» (М. Колосова «Москва»). Включение пространства родины в «свое» пространство осуществляется и благодаря использованию терминов родства: «*Эх, Россия-матушка, горемычная земля...*» (Н. Алл «Эх, Москва, Новгород Великий да Суздаль»); «*Готовимся к свиданью // Мы с Матерью родной*» (М. Колосова «О сепаратистах»). Личные и притяжательные местоимения усиливают сему *родной*: «*Недаром же я // С болью и гневом, с тоской и любовью // Громко кричу, что Россия – МОЯ!*» (М. Колосова «Наше богатство»); «*Нашими были - и будут навеки - // Русские пашни, леса и поля*» (М. Колосова «Наше богатство»).

Значимой в образе «своей» России является сема ‘величие России’: «*О маленьких детях Великой страны*» (М. Колосова «Великая Россия»); «*Почему отплатить за позор, -// Вся великая Русь не восстала?*» (М. Колосова «Почему?»). Важны слова с книжной окраской: «*Ах, солнышко за тучами, а враг на Руси*» (М. Колосова «Безымянные витязи»); «*Удивленные, большие, // Глянут очи на меня. // Кто ты? Тихая Россия?*» (М. Колосова «Обреченная муза»); «*Неоценимый дар - взглядеться до конца // В лик Родины своей через ее искусство*» (Н. Петерек «Россия»). На синтаксическом уровне эта сема реализуется в обращениях с междометием *о*: «*О Русь, о Родина, прими, утешь, укрой!*» (Е. Рачинская «В мечтаньях тайных»); «*О, Русь! Утерянная скиния, // Куда нам заповедан вход*» (М. Коростовец «Россия»).

Положительно окрашенными становятся лексические единицы с общей семантикой ‘большая территория, большой размер’: «*Стада разбрелись по широким лугам*» (Н. Алл «Я выпил стакан эмигрантской отравы...»); «*Беспредельный, бескрайний простор...*» (М. Волин «Россия»).

Традиционным является представление холода, снегов России: «*Это – снега... Овладевает холод*» («Дорога к дому» А. Ачаир); «*Занесенная метелями, // Снится мне страна моя...*» (Н. Резникова «Занесенная метелями...»).

Положительная коннотация свойственна лексическим единицам с общим значением ‘святой, священный’: «*То ты, о Русь святая*» (Н. Алл «Что я могу еще сказать...»); «*Все в памяти ненарушимо свято*» (Т. Андреева «Родине»). Используются слова-реалии, указывающие на предметы в православном храме, части православного храма: «*Москва, Москва – ты мой амвон, // люблю тебя до боли*» (Н. Алл «Что я могу еще сказать...»); «*Сквозь изгнание пронесли мы свято Русь, - // Как чудотворную икону*» (М. Колосова «В комиссарском портфеле»).

Важен графический образ – написание местоимений, относящихся к России, с большой буквы: «*О, кто с Тобой осмелится сразиться?*» (Л. Гроссе «Ты – юная...»); «*Я лишь Тебе, Тебе лишь предан, // О, Родина!.. В душе – лишь Ты*» (Ф. Камышнюк «Святая Русь»).

Дополнительное значение в рассматриваемой лингвокультурной ситуации приобретает оппозиция *белый - красный*: «*Взметнутся белые метели, // Сверкнет иной, не красный свет*» (М. Колосова «Преимник»); «*Не*

для белых, не для красных, // А для Русских говорю» (М. Колосова «На рассвете»).

В образе старой России преобладает синий цвет и его оттенки: «**Васильковое синее поле // И над ним высоко синева**» (Е. Даль «Синева»); «**Мне так страстно хочется в Россию, // В западные нищие поля, // Где озера сине-голубые // Васильками смотрят из жнивья**» (Г. Сатовский «Письмо»). Синий цвет – это цвет неба, чистоты и веры. Кроме того, белый и синий цвета – это цвета российского флага.

Родина предстает как нечто идеальное, призрачное, ускользающее: «**Нам, у которых Родина - мечта!**» (Л. Хаиндрова «Двадцатый век»); «**Но Россия, как сон, - недоступна она**» (Н. Резникова «Я скучаю в счастливые тихие дни...»). Эта семантика подкрепляется именем собственным *Китеж*: «**Но мой недостижимый Китеж // Дрожит и тает надо мной**» (О. Скопиченко «Люблю лежать в траве примятой...»); «**А она действительно, как Китеж, // Проплывает мимо глаз**» (Ю. Крузенштерн-Петерец «Россия»).

В антропоморфных образах с Россией связаны негативные эмоции – печаль, грусть, тоска: «**В Тебе – опечаленность немого севера**» (Ф. Камышнюк «Святая Русь»); «**Грозная и грустная Родина вдали...**» (М. Колосова «Битвой и трудом»).

В лингвокультурном образе «своей» Родины встречаются реалии быта: «**Скрипит журавель над студеным колодезцем, // А тройка вздымает горячую пыль**» (Н. Алл «Я выпил стакан эмигрантской отравы...»); «**Лезть в сумерки на полати // И спать, укрываясь тряпьем. // Играть в орлянку весною**» (А. Ачаир «Проще в лесу»).

В создании образа малой родины эмигрантов присутствуют территориально ограниченные слова: «**Снова в путь! Починил торбаса – // И ступаю легко и сторожко**» (А. Ачаир «Снова в путь»); «**Сторожский марал пасся там...**» (А.П. Хейдок «Таежная сказка»)

Антропонимы в образе России связаны, прежде всего, с духовной составляющей: «**Ты играла тогда баркаролу Чайковского**» (Е. Даль «Баркарола Чайковского»); «**Россия Белого - пылающее море, // Россия Тютчева - смирение и горе, // Россия Гоголя - смятение и ад**» (Н. Петерец «Россия»). Имена русских писателей выступают как символы единства России, русских людей независимо от политических и иных факторов.

С литературным образом Родины связаны формальные особенности языка, в частности, авторские неологизмы: «**Серебруструнные гитары**», «**печально-жгучий взгляд**» (М. Визи «Блоку»); «**Закровавлено, светлоликий, безумятся, светогимнов, белогрезовой, загромовела высота, костровое**» (примеры из стихотворения Ф. Камышнюка «Неизбывной памяти А. Блока»).

Посредством имен исторических деятелей прошлого выражаются взгляды эмигрантов на будущее России, которое они видят в возврате к прошлому: «**Россия даст еще Суворова, // И даст еще Царя Петра!**» (М. Колосова «Не склоним голову!»); «**Пройдет междоусобная игра, // И люди вспомнят грозного Ивана, // И Калиту, и смелого Петра**» (В. Слободчиков «Раскол»).

С идеей будущего возрождения России связаны антропонимы - имена лидеров белого движения: «*В тот час я верила: Россия будет снова, // Пусть только **Унгерн** скажет властно и сурово // Своим полкам призывное "Вперед!"*» (М. Колосова «Не в этом ли году?»); «*С моим народом гибнуть, гибнуть вместе - // За кровь, за вздох, за душу **Колчака***» (М. Колосова «Не в этом ли году?»)/

Распространенным является гидроним *Волга*: «*Что мы вернемся к берегу иному, // Где льется **Волга**, русская река*» (Е. Даль «Письмо из Африки»); «***Волга - царство парохода!***» (М. Колосова «Россия не умрет»).

Из всех городов России в лингвокультурном образе Родины, созданном поэтами-эмигрантами, центральным является образ Петербурга. Он создается посредством урбанонимов: «*Зазвенел веселым ледоходом // На **Фонтанке** голубой ледок...<...> **Невский** говорит, бурлит, клокочет. <...> Как прекрасен величавый очерк // Красной массы **Зимнего Дворца!***» (Г. Сатовский «Мой город»).

В образе Советской России доминируют слова с общей семантикой 'злой': «*Быть может, все это лишь снится, // Как и вся наша жизнь в эти **злые** глухие года*» (М. Волин «В переулочек пустынный...»). Зло достигает вселенского масштаба, для чего используются наименования инфернальных существ: «*Повели к бронепоезду, // Где не люди, а **черти!***» (М. Колосова «Бронепоезд и роза»); «*Если бы **нечисть** не принесло // Запломбированную в вагоне*» (А. Несмелов «Агония»).

Негативной оценочностью обладают прилагательные и наречия с общим значением 'далекий'. Новая Россия далека от эмигрантов не только пространственно, но и духовно: «*Там, в наших родных и **далеких** краях*» (Н. Алл «Я выпил стакан эмигрантской отравы...»); «*Только родные звезды // Сияют **вдали... вдали***» (Б. Волков «Дракон, пожирающий солнце»).

В образе современной России присутствуют наименования негативных эмоций, страха и печали: «*По **Невскому**, по островам ползет **унылый** страх*» (Н. Алл «Петербург»); «*Много **траурной** тихой печали, // Много искренних горестных слез...*» (М. Колосова «Почему?»).

В лингвокультурном образе Советской России актуализирована сема 'неживой': «*А теперь – по бесплодному и **мертвому** полю ... // И куда ни глянь – все **могилы** да **кресты***» (Н. Алл «Эх, Москва, Новгород Великий да Суздаль»); «*Кругом **мертво***» (Н. Алл «Петербург»); «*Не сердце ли его таит // **Агоневую Русь**, // Страну мою?*» (А. Ачаир «Барабанная дробь»).

Соотносимой с вышеуказанной семой является сема 'страдание': «*Я за **страдалицу-отчизну!***» (М. Колосова «Письмо в Америку»); «*Родина моя, **мученица-Русь...***» (М. Колосова «Что тебе дать?»).

Отрицательную оценку приобретают существительные и прилагательные со значением 'несвободный / несвобода': «*Песня гуляет про позор да **неволю**, // <...> // И куда ни кинь – все **тюрьмы** да **остроги***» (Н. Алл «Эх, Москва, Новгород Великий да Суздаль»); «*Живые памятники **умершей** свободы*» (Н. Алл «Петербург»).

Как известно, «революция стала для России новой мифологемой, которая все более и более «заглатывала» своим синкретизмом все проявления духовной жизни страны»¹⁵. В этом субобразе подчеркнута сема 'отсутствие покоя': «Страну, надолго **неспокойную**, // Как будто склад **пороховой**» (М. Колосова «Склад пороховой»); «Мать Божья, пожалей Россию! // <...> В эти **взбудораженные дни**» (М. Колосова «Пожалей Россию»). Метафорический компонент образа революции составляют слова, имеющие сему 'разрушение': «Русской **бури** путь зловещ и долог» (Е. Даль «Второй родине»); «И над нашими гнездами // Гроыхает **гроза!**» (М. Колосова «Гроза над гнездами»).

Слова с отрицательной оценочностью используются и в образе эмиграции. Они подчеркивают недобровольность нахождения вне родной страны: «Путь **изгнанья** мне судьбой отмерен» (Е. Даль «Второй родине»); «... все обиды **российского изгнанника** кипели во мне» (А.П. Хейдок «Миами»).

Образ советской России создают антропонимы и топонимы, имеющие отрицательную коннотацию: «Сам **Ленин** был нашим врагом» (А. Несмелов «Встреча вторая»); «Я б над дворянином Ильичем, // Издевалась вместе с палачом» (М. Колосова «Пепельница из черепа»); «И впервые я увидел в газете фотографию Ленина – скуластую маску с зловещим взглядом раскосых, узких глаз» (Б. Юльский «Человек со шрамом»); «И вдруг вписал он [Сталин] жесткою рукой // **Страницу зла** в историю России!»; «С. С. С. Р. - четыре буквы, в них // **Смятенье** толп, гром пушек, море **крови** - // И **гибель** близких и родных твоих...» (М. Колосова «Карта России»).

Представлены прецедентные тексты; это песни советского времени, гимны, лозунги: «О, нет, среди "**проклятьем заклеянных**" // Ты не поешь "**интернационал**"» (М. Колосова «Обреченная муза»); «Появились на улице комсомольцы, которые пели – «**Наши паровоз, вперед лети, в коммуне остановка**»...» (Л. Кравченко «Для дела русского»). Они используются в ироническом контексте: «Потускнело и «**солнце – Ленин**». // Это был просто **красный фонарь**» (М. Колосова «Песня отщепенца»); «Мы, две девчонки-хохотушки, <...> «**Совдепский долг исполним свято**» (М. Колосова «Молодость»).

Советскую Россию олицетворяет красный цвет – цвет гибели, крови: «Гранит, омытый **кровью**, дремлет в берегах» (Н. Алл «Петербург»); «**Кроваво** луна всходила // **Кровавые** сны рождать» (А. Несмелов «Восстание») «И все же... сквозь **красные** дали, // Сквозь ненависть, слезы и тьму...» (М. Колосова «О нас»).

В формировании образа советской России участвуют слова-реалии: «Даже в углу **чекист** // Крепче зажал **наган**» (Н. Завадская «Ночь на 17 июля»); «Платочек алый **женотдела** <...> В огромных залах **Совнаркома**» (М. Колосова «Письмо наркомму»); «Дом пермского **Маршинского земельного банка**, **красное** трехэтажное здание, было занято **чрезвычайкой**» (А. Несмелов «В дымных лесах»).

¹⁵ Шаклеин В.М. Историческая лингвокультурология текста. – М., 2012. С. 562.

Реалии – символы советского государства окружены образами смерти: *«Там молот, серп и красная звезда // Грозят погибелью земле и небу...»* (М. Колосова «Русский вождь»); *« ... в России враг // Творит над Русскими расправу, // Над трупами вздымая красный флаг»* (М. Колосова «Об одной победной гибели»).

Используемые реалии не носят бытовой характер, а относятся либо к особенностям современного общественного устройства, либо к средствам ведения войны. Таким образом, подчеркивается, что чуждым для поэтов-эмигрантов являются не особенности быта, не традиции, а новые изменения, в основном, политического характера.

Даты в образе «чужой» России связаны с наиболее значимыми в языковом сознании эмигрантов событиями. Прежде всего, это расстрел царской семьи, который символизирует гибель старой России, Родины эмигрантов: «Ночь на 17 июля» (название стихотворения Н. Завадской); «17 июля» (название стихотворения М. Спургота). Также важными являются время начала революции и гражданской войны в России: *«Но явственно стирает непогода // Надежды восемнадцатого года»* (А. Несмелов «Броневик»).

В **Заключении** подводятся итоги, указываются перспективы дальнейших исследований в области изучения образов стран в национальной лингвокультурной традиции.

Основные положения диссертации отражены в восьми (10) публикациях автора общим объемом 62 стр.:

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, включенных в перечень изданиях ВАК Минобрнауки РФ:

1. Цуй Ливэй. К вопросу о месте культурного компонента в структуре лексического значения слов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия « Русский и иностранные языки и методика их преподавания. Москва, 2014. № 3. – С. 43-47.

2. Цуй Ливэй. Языковые средства создания лингвокультурного образа Китая в лингвокультуре дальневосточной эмиграции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия « Русский и иностранные языки и методика их преподавания. Москва, 2015. № 4. – С. 112-119.

3. Цуй Ливэй. Безэквивалентная лексика в образе Китая в русской эмигрантской лингвокультуре // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия « Русский и иностранные языки и методика их преподавания. Москва, 2016. № 2. – С. 80-88

Статьи, опубликованные в других изданиях:

4. Цуй Ливэй. Отражение культуроведческой информации в словарной статье русско-китайского словаря. //Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания: традиции и инновации: сборник статей XV Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых с международным участием, 25 апреля 2014 г. – Москва, РУДН, 2014. – С. 174-177.

5. Цуй Ливэй. Образы китайской лингвокультуры в произведениях В.Н.Иванова // Социокультурные и филологические аспекты в образовательном и научном контексте: сборник первого международного виртуального форума в Японии по русистике, культуре, педагогике, 25-29 сентября 2014 г. – Япония, 2014. – С. 665-668.

6. Цуй Ливэй. Топонимы как средство формирования лингвокультурного образа Китая: на материале произведений дальневосточных писателей - эмигрантов // Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания: материалы XII Студенческой научно – практической конференции, 24 апреля 2015 г. – Москва, РУДН, 2015. – С. 44-45.

7. Цуй Ливэй. К вопросу о статусе лингвокультурного образа страны в национальной лингвокультурной традиции // Актуальные проблемы современных гуманитарных наук: материалы международной конференции молодых ученых, 22-23 октября 2015 г. – Москва, РУДН, 2015. – С. 383-387.

8. Цуй Ливэй. Универсальная оппозиция «свой-чужой» в лингвокультурном образе страны // Многомерные миры молодой науки: сборник статей международной научной конференции, 28 октября 2015 г. – Москва, РУДН, 2015. – С. 113-120.

9. Цуй Ливэй. Эмоционально – окрашенная лексика в лингвокультурном образе России в литературе дальневосточной эмиграции // Язык и межкультурная коммуникация: современные образовательные тенденции XXI века: сборник научных статей по итогам международной научно – практической конференции, Белгород, 22-25 февраля 2016 г. – Белгород, 2016. – С. 47-54.

10. Цуй Ливэй. Слова-реалии в образе России и Китая в художественной картине мира дальневосточной эмиграции // Развитие науки и образования в современном мире: по материалам международной научно – практической конференции 31 января 2016 г. – Люберцы, 2016. – С. 8-12.

Цуй Ливэй (Китай)

Лингвокультурные образы России и Китая в художественных произведениях представителей русской дальневосточной эмиграции

Диссертация представляет собой первый опыт описания лингвокультурных образов России и Китая в прозаических и поэтических произведениях представителей дальневосточной эмиграции. В ходе работы используются языковые средства в создании лингвокультурного образа обеих стран на материале текстов русских поэтов и писателей, созданных в условиях дальневосточной эмиграции. Анализ производится с применением методики лингвокультурологического анализа художественного текста.

Результаты и материалы исследования могут быть использованы в разработке теоретических курсов по лингвокультурологии, лингвострановедению, анализу художественного текста, межкультурной коммуникации. Комплексная характеристика языковых средств может найти применение на занятиях по русскому языку как иностранному, а также в китайской аудитории.

CUI LIWEI (China)

linguistic cultural images of Russia and China in the art works of the representatives of the Far Eastern Russian emigration

The thesis is the first attempt to describe the linguistic cultural images of Russia and China in the prose and poetic works of representatives of the Far East emigration. In the course of using language tools in the creation of both countries linguistic cultural image on a material of texts of Russian poets and writers, created in conditions of the Far East emigration. The analysis is performed using the method of linguistic-cultural analysis of a literary text.

The results and study findings can be used in the development of theoretical courses on cultural linguistics, linguistic geography, analysis of a literary text, cross-cultural communication. The complete description of linguistic resources can be used in the classroom for Russian as a foreign language, as well as in the Chinese audience.